

RU

Интенциональность прецедентных феноменов в художественном дискурсе Серебряного века

Горячева Е. Д.

Аннотация. Цель исследования - определить особенности реализации прецедентности в художественном дискурсе Серебряного века (в частности, в жанре новеллы) с позиций выяснения ее интенциональности. В статье установлен и описан синтез основных в художественном дискурсе видов интенций - репрезентационной (в некоторых случаях, когнитивной) и коммуникативной - применительно к функционированию в нем прецедентных феноменов. Научная новина исследования состоит в использовании интенционального метода в изучении прецедентных феноменов и рассмотрении интенциональности как дискурсоформирующей категории. В результате исследования определено, что продуцирование прецедентных феноменов обуславливается обращением авторов к сферам-источникам Фольклор и Мифология, История, Литература и Искусство, а прагматика интенциональности прецедентных феноменов направлена на эстетическое осознание человека как центра мироздания во вневременном контексте.

EN

Intentionality of Precedent Phenomena in Literary Discourse of the Silver Age

Goryacheva E. D.

Abstract. The purpose of the research is to determine features of precedence implementation in literary discourse of the Silver Age (in particular in the genre of short stories) from the standpoint of clarifying its intentionality. The article identifies and describes synthesis of the main types of intentions in literary discourse - representational (in some cases cognitive) and communicative - in relation to the functioning of precedent phenomena in the discourse. Scientific novelty of the research lies in using the intentional method in the study of precedent phenomena and consideration of intentionality as a discourse-forming category. As a result of the research, it has been found that precedent phenomena production is conditioned by authors' drawing upon the source spheres of Folklore and Mythology, History, Literature and Art, while pragmatics of precedent phenomena intentionality is directed at aesthetic understanding of man as a center of the universe in the timeless context.

Введение

Новые направления, возникшие в лингвистике второй половины XX в., были обусловлены различными социальными, политическими, культурными событиями, сформировавшими антропоцентрическую гуманитарную парадигму. В рамках антропоцентризма особый статус приобретают теория интертекстуальности и смежная с ней концепция прецедентности, которые не теряют актуальности и в XXI в. Прецедентные феномены, функционируя в языковом сознании, вводятся в дискурс, определяя коллективное бессознательное [1]. Прецедентные единицы (тексты, высказывания, имена) реализуются в рамках вторичной номинации на основании известности в определенном социо- и лингвокультурном коллективе при весьма значительной роли в их структуре когнитивно-оценочного компонента. Последние десятилетия ознаменованы появлением работ, в которых прецедентные феномены изучаются не только как маркеры интертекстуальности, но и как компоненты прагматической структуры высказывания [5; 6; 26].

Актуальность исследования заключается в необходимости выявления и описания прагматических особенностей прецедентных феноменов, а также изучения обуславливаемой этой спецификой интенциональности дискурса. Художественный дискурс, на наш взгляд, обладает обширным эвристическим потенциалом для рассмотрения прецедентных феноменов в заданном направлении: писатели, принадлежащие к эпохе Серебряного

века, целенаправленно включают прецедентные тексты, имена, высказывания в семантическое пространство художественных текстов. Так происходит потому, что прецедентный феномен всегда направлен как на подчеркивание и выделение смысловых аспектов первостепенной важности в конкретном контексте, так и на распознавание и декодирование национальных и универсальных смыслов, манифестируемых в тексте в концентрированном, «свернутом» виде. Кроме того, особую значимость приобретает проблематика воздействия художественного дискурса на адресата, поскольку, по всей видимости, прецедентные феномены призваны акцентировать те или иные компоненты художественных образов и уровней художественного мира.

Задачи исследования:

- рассмотреть возможности изучения прецедентных феноменов в художественном дискурсе с использованием интенционального метода;
- описать основные виды интенций в художественном дискурсе применительно к функционированию в нем прецедентных феноменов;
- на основании определения сферы / текста-источника прецедентных феноменов в художественном дискурсе Серебряного века изучить специфику их интенциональности.

Методы исследования составляют целостный комплекс, приоритетными стали описательный, контекстуальный и интертекстуальный методы, метод филологического анализа текста.

В теоретическую базу исследования вошли работы по теории прецедентности [7; 8; 11; 12; 16-18; 29; 30] и проблематике интенциональности в современной лингвистике [4; 13; 14]. Особое место в развитии исследовательской концепции занимают работы в области функциональной прагматики [2; 10; 22; 31], а также в сфере изучения художественного текста с позиций теории интертекстуальности [19; 20; 27; 32].

Практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов исследования в практике преподавания вузовских курсов по теории языка, лингвокультурологии, теории коммуникации и прагмалингвистике, а также на спецкурсах по проблематике лингвистического анализа текста и прецедентности.

Интенциональный метод в изучении прецедентных феноменов в художественном дискурсе

Рецепция и интерпретация прецедентных феноменов осуществляется участниками коммуникации на основании когнитивных структур их сознания, которые во многом обуславливаются их социо- и лингвокультурной принадлежностью. Тем не менее, необходимо также говорить и о включенности в данное исследовательское поле проблем тематизации коммуникативного пространства и реализации посредством прецедентных феноменов различных интенций в дискурсивном пространстве.

Лингвисты плодотворно работают над изучением источников прецедентных единиц, функционирующих в различных типах дискурса, при этом правомерно утверждение о том, что для представителей русской культуры характерен литературоцентризм, постоянное обращение к художественным текстам в самых разных видах дискурса [15], к цитированию [9], что закономерно утверждает принцип диалогичности коммуникации, обуславливая и внимание к приемам языковой игры.

Представляется, что прецедентные феномены могут быть изучены в художественном дискурсе Серебряного века с позиций реализации интенциональности. Интенциональный метод [13] имеет интегральный характер и может быть применен в процессе изучения когнитивной и коммуникативно-прагматической специфики семантического пространства художественных текстов. Центральным понятием этого метода является интенция адресанта, за счет которой происходит воздействие дискурса (достигается перлокутивный эффект или наступает коммуникативная неудача).

Интенция (от лат. *intentio* – «стремление») – первоначально термин схоластической философии, которая понимала под ним намерение, цель, направленность сознания, мышления на какой-либо предмет. Для современной философии проблематика интенциональности тесно связана с онтологической проблематикой природы сознания и описывается как свойство психических феноменов, не присущее ни одному физическому явлению. Психология трактует интенцию как имманентную направленность сознания на реальный или воображаемый предмет. Интенция в научной парадигме психологии – первый этап порождения высказывания, предшествующий мотиву, внутреннему «проговариванию» и собственно вербализации [21; 34].

Лингвистика оперирует понятием интенции в тесной связи с развитием теории речевых актов Дж. Остина [24], помещая интенциональность в координаты прагмалингвистики и трактуя интенцию как иллокуцию, а каждый речевой акт рассматривая с позиций его иллокутивной силы. Такое направление исследований обеспечило возникновение не только типологии речевых актов, но и типологии речеактных интенций.

Интенции художественного дискурса в реализации прецедентных феноменов

Отдельные речевые акты интегрируются в связный текст на основании общей текстовой интенции, которая соответствует эстетической задаче автора и реализует ее в семантическом пространстве художественного текста. Поэтому интенциональность текста с необходимостью манифестирует коммуникативное намерение автора, и ее необходимо «включать в важнейшие параметры текстuality, наряду с когезией – структурной связностью текста, когерентностью – содержательной цельностью и смысловой завершенностью текста, информативностью – выраженностью в тексте какой-либо информации, диалогичностью – восприятием

текста как реплики в диалоге, интертекстуальностью – связью текста с другими текстами, обусловленной фоновыми знаниями, декодируемостью – пониманием текста адресатом – и прагматикой – направленностью на адресата» [13].

Дискурсная интенция составляет основу формирования дискурса как совокупности текстов, находящихся в сложном многоуровневом взаимодействии. Именно поэтому можно говорить об интенциональности как о дискурсоформирующей категории, причем художественный дискурс, по всей вероятности, характеризуется интенцией эстетического воздействия, поскольку художественные тексты в качестве основной функции реализуют именно эстетическую функцию. Реализация прецедентности в художественном дискурсе обусловливается авторской интенцией, направленной на распознавание читателем прецедентных феноменов в тексте и стимулирование ассоциативных связей мышления адресата в результате активизации фоновых знаний [26]. Современная социолингвистика трактует фоновые знания, являющиеся одним из компонентов когнитивной базы языковой личности и составляющие основу национально-культурного уровня владения языком, как «обоюдное знание участниками коммуникативного акта реалий материальной жизни, ситуативных и коннотативных реалий, стоящих за обозначающими их языковыми знаками, необходимое для адекватной и полной интерпретации порождаемых высказываний» [33]. Фоновые знания – некая «канва» высказывания, экстралингвистический компонент, адекватная интерпретация которого делает коммуникативный процесс эффективным. Художественный дискурс Серебряного века обращен к мировой культуре, включает все ее компоненты, что представляется абсолютно неслучайным: прецедентные феномены как маркеры интертекстуальности позволяют не только определить тот круг читателей, чьи фоновые знания соответствуют эстетическим задачам продуцента эстетического высказывания, но и манифестировать антропоцентричность модерна, который вносит инновации в национальную картину мира, помещая ее в координаты европейской и мировой культуры [25].

Как намеренное (интенциональное), так и ненамеренное (неинтенциональное) воздействие [11] применимы к художественному дискурсу. Тем не менее, для художественной словесности эпохи модерна важно, чтобы именно авторские намерения, направленные на большую открытость русского культурного кода и национальной картины мира мировой культуре, были реализованы в тексте наиболее полно. Направленность эстетического высказывания, его интенциональная структура являются «характерной чертой множества ментальных состояний и событий, с помощью которых они направлены на объекты и положения дел внешнего мира» [28, с. 151] и реализуют контактоустанавливающую и социально-регулирующую функции высказывания. Художественный дискурс Серебряного века формирует особую коммуникативную модель, и адресат должен занять в ней определенное адресантом место.

Интенциональные особенности прецедентных феноменов в художественном дискурсе Серебряного века

Прецедентные феномены в новеллистическом дискурсе Серебряного века характеризуются двойственной интенцией: вслед за Л. Р. Безуглой отметим, что такие феномены реализуют как репрезентационную интенцию – «направленность сознания на определенный объект – концепт или пропозицию» [3, с. 250], так и коммуникативную интенцию – «намерение говорящего донести до адресата свою репрезентационную интенцию и вызвать у него определенную реакцию. Наличие интенции второго типа отличает коммуникативное действие от некоммуникативного» [Там же]. Например, в новелле М. Кузмина «Девственный Виктор» реализация прецедентного феномена направлена как на характеристику события, так и на его оценку, что в целом свидетельствует о репрезентационном и коммуникативном характере интенциональности: «Ни я, ни вы, госпожа, вероятно, не имеем опыта в этих делах, но у меня есть тоже племянник, которого я несколько отдалил от себя за недостойное поведение, но вот оказывается, что неисповедимы пути судьбы» [23, с. 35]. Прецедентное высказывание отсылает адресата к библейскому афоризму «Пути Господни неисповедимы» (из Рим. 11:33 «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!»), при этом автор трансформирует его согласно своему художественному замыслу, однако текст-источник может быть восстановлен реципиентом. В том же художественном тексте находим следующий контекст: «Помните, что нет ничего тайного, что со временем не открылось бы» [Там же, с. 34], в котором текст-источником прецедентного высказывания также является Библия (Евангелие от Марка 4:22): «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу».

Представляется, что в художественном дискурсе репрезентационная интенция реализует и когнитивную функцию, формируя тем самым направление познания мира. Так, в новелле М. Кузмина «Рассказ о Ксанфе, поваре царя Александра, и жене его Калле» представлен следующий контекст: «Смертные, мы должны умирать; лишь дети богов, только сыны Аммоновы могут дерзать к бессмертию» [Там же, с. 11], который должен активизировать фоновые знания адресата, акцентировав его внимание на отсылке к древнеегипетской мифологии и культуре: Аммон – бог солнца, и именно в таком контексте противопоставлены его потомки и обычные люди, для которых бессмертие недостижимо.

Именно в связи с онтологической тематикой текстов М. Кузмина и в другой его новелле «Тень Филлиды» реализован имплицитный прецедентный феномен: «Подумай: магические заклятия имеют силу вызывать души умерших – как же я, живая, буду обманывать того, кого люблю, не накажет ли меня собачьеголовая богиня?» [Там же, с. 19]. Под собачьеголовой богиней подразумевается Ипнут, супруга Анубиса, покровителя умерших. Ипнут, в соответствии с древнеегипетскими мифологическими представлениями, – мать тьмы,

госпожа истины и святой земли. На наш взгляд, именно коммуникативная интенция позволяет здесь адресату не только декодировать имплицитный смысл наименования Ипнут, но и адекватно интерпретировать смысл высказывания – данный прецедентный феномен отсылает не только к древним представлениям о смерти и загробном мире, но и о свете истины, о бесконечности (недаром Ипнут также носит титул королевы звездного неба). Таким образом, коммуникативная интенция, как и репрезентационная, приобретающая характеристики когнитивной, может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно, что в целом говорит о ее востребованности и многоуровневой реализации в художественном дискурсе.

Важным для художественного дискурса становится и обращение к прецедентным феноменам, сферой-источником которых является *История*. В художественном дискурсе Серебряного века прецедентные феномены со сферой-источником *История* представлены прежде всего именами исторических личностей и/или введением таких персонажей в событийную канву текста. Например, в новелле М. Кузмина «Тень Филлиды» в контексте:

«Ты будешь гулять по аллеям,
с друзьями читать Филона,
бросать диск и бегать вперегонки –
все скажут: “Прекрасный Панкратий”, –
а бледной Филлиды уже не будет!» [Там же, с. 18], –

упомянут античный философ Филон (21 или 28 г. до н.э. – 41 или 49 г. н.э.), создатель монотеистического учения, являвшегося промежуточным звеном между язычеством и христианством. Автору необходимо такое соотнесение действия новеллы со временем, совпадающим с жизнью философа или после его смерти, для того, чтобы показать кризис античного мировоззрения, ростки того нового, что формируется в душе героини. Также в новелле М. Кузмина «Рассказ о Ксанфе, поваре царя Александра, и жене его Калле» нами выявлен контекст, в котором упоминается реальное историческое лицо – Александр Македонский, однако автор пользуется перифразом для введения в смысловое пространство текста прецедентного имени, упоминание о котором адресат должен адекватно интерпретировать: «Голос его был тверд и звонок, глаза сияли и щеки пылали румянцем, потому что на этот раз сын Филиппа их нарумянил, чтоб не смущать слабых сердцем царским сомнением» (отец Александра Македонского – царь Македонии Филипп (ок. 382 – 336 г. до н.э.)) [Там же, с. 12].

Художественный дискурс Серебряного века также часто обращается к сфере-источнику *Литература* и *Искусство*, что закономерно, т.к. модерн активно трансформирует предшествующие в историческом времени тексты различных видов искусства, приравнивая их эксплицитные и имплицитные смыслы к новым потребностям человека рубежа XIX-XX вв. и первых десятилетий XX в. Так, в новелле М. Кузмина «Набег на Барсуковку» представлен прецедентный феномен, отсылающий читателя к тексту живописи: «Может быть, если бы даже Гришенька не был врагом Петра Трифоновича и не приходилось терпеть за себя и за него, сидя в проходной беседке с “Авророй” Гвидо Рени на потолке, – может быть, не так дорожила бы Машенька этими минутами, не так ждала бы знакомого свиста, не так путала б бисер» [Там же, с. 60]. «Аврора» – известная фреска Гвидо Рени (1575-1642), знаменитого итальянского живописца эпохи барокко, что должно намекать читателю на излишнюю вычурность убранства обычной русской усадьбы и стремление ее владельцев воссоздать у себя обстановку палаццо Паллавичини-Роспильози в Риме, где находится подлинник. Таким образом, интенциональность данного прецедентного феномена – когнитивная и коммуникативная одновременно, поскольку на имплицитном уровне расширяет познавательные возможности читателя и дает возможность постичь авторские смыслы, заложенные в художественном тексте.

В тексте новеллы М. Кузмина «Федра» также содержится контекст, содержащий указания на прецедентные тексты: «Если бы Шекспир видел такую Джульетту, он написал бы... – “Даму с Камельями”?» [Там же, с. 54]. Здесь оба литературных текста эксплицитированы – это трагедия У. Шекспира «Ромео и Джульетта» и роман А. Дюма-сына «Дама с камелиями», и автор создает определенный иронический эффект: для Джульетты ее избранник Ромео – первый и единственный, тогда как героиня романа А. Дюма – парижская куртизанка Маргарита Готье, и, соответственно, таким способом дана авторская оценка объекту изображения.

Также весьма интересны случаи, когда в художественном дискурсе отсутствуют маркеры прецедентности, однако само описание происходящих событий должно активизировать читательское восприятие и задействовать фоновые знания адресата, например: «...однако он охотно прислушивался к сухой игре сына, когда тот исполнял “немцев” в круглой гостиной, лишь временами в угоду отцу рассыпая шипучие брызги “Итальянки в Алжире” или “Сороки-воровки”» [Там же, с. 60]. При том, что М. Кузмин не называет имени композитора, любому сведущему в классической музыке человеку ясно, что автор имеет в виду Дж. Россини (1792-1868), чьи оперы отличаются особой виртуозностью. Также автор отражает известную оппозицию «Германия – Италия»: для первой свойственно, по большей части во время барокко в музыкальном искусстве, строгое следование точным законам контрапункта и композиции, тогда как итальянские композиторы допускают в это же время некоторые вольности, позволяющие вводить виртуозные эпизоды в музыкальные тексты. Поэтому «сухая игра сына» и «немцы» в контексте противопоставлены лексическому сочетанию «рассыпая шипучие брызги» и имплицитному значению «итальянская музыка».

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам. Установлено, что интенциональный метод имеет интегральный характер, что позволяет эффективно применять его при изучении когнитивной

и коммуникативно-прагматической специфики художественного дискурса, определенным образом воздействующего на адресата посредством интенции адресанта.

Определено, что основные виды интенций – репрезентационная (или, в некоторых случаях, когнитивная) и коммуникативная – обнаруживают тенденцию к синтезу в реализации прецедентных феноменов в художественном дискурсе Серебряного века и в частности в текстах новелл, что позволяет говорить об особой интенциональности тексто-дискурсивного пространства. Такая интенциональность направлена на создание у адресата эмоциональной реакции, особого образа мира, что подразумевает и диалогическую коммуникацию автора и читателя, пусть и отсроченную во времени, а также авторскую автокоммуникацию.

Доказано, что интенциональность является дискурсообразующей категорией: использование прецедентных феноменов в художественном дискурсе детерминировано авторской интенцией, целью которой является активизация фоновых знаний адресата, продуцирование новых ассоциативных знаний в процессе восприятия художественного текста и адекватная интерпретация прецедентных феноменов. В ходе анализа языкового материала были выявлены приоритетные сферы-источники прецедентных феноменов – это *Фольклор и Мифология, История, Литература и Искусство*, что обуславливается спецификой модерна как художественного направления, помещающего человека во вневременной контекст и связывающего адресанта и адресата художественного дискурса Серебряного века с различными историческими эпохами.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в возможности моделирования языковой личности продуцента художественного дискурса с позиций реализации в этом виде дискурса прецедентности и интенциональности, а также в выявлении условий и факторов, обуславливающих функционирование этих сложных лингвокультурных феноменов в тексто-дискурсивном пространстве и адекватное их декодирование реципиентом.

Источники | References

1. Амзаракова И. П., Климец Ю. С. Функционирование прецедентного имени и прецедентного высказывания в немецкой молодёжной субкультуре // Антропологическая лингвистика: современные проблемы и перспективы: сб. науч. статей в честь д-ра филол. наук, проф. Ю. М. Малиновича / отв. науч. ред. Т. И. Семенова. Иркутск: ИГЛУ, 2012. С. 13-20.
2. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1993. 182 с.
3. Безуглая Л. Р. Прагмалингвистическая концепция И. П. Сусова // Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова Книга, 2009. С. 249-260.
4. Бондарко А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика: доклады VIII Международной конференции: в 2-х т. / под ред. Е. И. Дибровой. М.: СпортАкадемПресс, 2001. Т. 1. С. 4-13.
5. Волкова Р. А. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в художественном дискурсе Марины Степновой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 7. С. 230-234.
6. Голутвина А. В., Бабина Л. В. Использование прецедентных феноменов в произведениях современных французских писателей Гийома Мюссо, Амели Нотомб и Бернара Вербера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 74-79.
7. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие. М.: МГУ, 2003. С. 141-161.
8. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
9. Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003. 270 с.
10. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. М.: Академ. Проект, 2000. 495 с.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
12. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 2007. 261 с.
13. Клушина Н. И. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2012. № 4. URL: <http://mediascope.ru/node/1242> (дата обращения: 04.08.2021).
14. Кобозева И. М. Категории интенциональности и когнитивности в современной лингвистике [Электронный ресурс]: учеб. пособие. URL: <https://textarchive.ru/c-2253239-pall.html> (дата обращения: 04.08.2021).
15. Кондаков И. В. «Образ мира, в слове явленный»: волны литературоцентризма в истории русской культуры // Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве: сб. ст. / отв. ред. Н. А. Хренов. М.: Наука, 2004. С. 229-293.
16. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 2. С. 5-12.
17. Красных В. В. Точки над і или многоточие?. (к вопросу о современной парадигме) // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 16. С. 3-12.
18. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
19. Кузнецова А. В. Метатекст в художественном тексте: прагматика и функции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 9. С. 265-269.
20. Кузнецова А. В. Субъективная модальность художественного текста: онтологический статус в авторской концепции мира // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2020. № 4. С. 5-14.
21. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 287 с.

22. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис: Прогресс, 1992. 273 с.
23. Новелла серебряного века: сборник / сост. и коммент. Т. Берегулевой-Дмитриевой. М.: ТЕРРА, 1994. 573 с.
24. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVII. Теория речевых актов. С. 22-129.
25. Панова Л. Г. Итальянсья, русея: Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама. М.: РГГУ, 2020. 679 с.
26. Перевышина И. Р., Остапова Л. Е. Оказиональные композиты с прецедентными феноменами как средства экспликации культурно-коммуникативной информации в художественных текстах писательницы-нобелиата Эльфриды Елинек // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1 (5). Ч. 2. С. 160-163.
27. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.
28. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Зарубежная лингвистика. II / пер. с англ.; общ. ред. В. А. Звегинцева, Б. А. Успенского, Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1999. С. 151-169.
29. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 141 с.
30. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты: монография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
31. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 58-71.
32. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. М.: КомКнига, 2007. 280 с.
33. Фоновые знания [Электронный ресурс] // Словарь социолингвистических терминов. URL: <http://endic.ru/sociolinguistics/Fohovye-zhahiya-661.html> (дата обращения: 28.07.2021).
34. Шахнарович А. М. К проблеме языковой способности (механизма) // Кубрякова Е. С., Шахнарович А. М., Сахарный Л. В. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи / отв. ред. Е. С. Кубрякова. М.: Наука, 1991. С. 185-220.

Информация об авторах | Author information

Горячева Елена Дмитриевна¹, к. филол. н.

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Goryacheva Elena Dmitrievna¹, PhD

¹ Sothern Federal University, Rostov-on-Don

¹ edgoryacheva@sfedu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): художественный дискурс; прецедентный феномен; интенциональность; сфера-источник; интертекстуальность; literary discourse; precedent phenomenon; intentionality; source sphere; intertextuality.